

НЕТТО

КОЭЛЬО

Слепая

Коэльо Нетто

Слепая

«СОЮЗ»

Нетто К.

Слепая / К. Нетто — «СОЮЗ»,

Представляем русскую премьеру книги популярного писателя, известного политика, президента Академии писателей Бразилии Коэльо Нетто. Его бурная молодость, республиканские убеждения, блистательное юридическое образование в университете Сан-Паулу, журналистская деятельность в крупнейших печатных изданиях Бразилии помогли собрать огромный багаж знаний в различных областях жизни. Впоследствии все эти знания, образы и идеи писатель не раз использовал в своем творчестве. Его перу принадлежит более двухсот книг, популярных не только в Бразилии, но и во всем мире. Литературная деятельность Коэльо дала возможность титуловать его «принцем бразильских писателей». Теперь и у российских поклонников его творчества есть возможность познакомиться с одной из самых трагичных и пронзительных повестей Коэльо о поисках любви и своего места в жизни.

© Нетто К.

© СОЮЗ

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Коэльо Нетто

Слепая

I

Выбеленная, крытая соломой хижина, одиноко стоявшая на возвышенности, весело выглядывала из густой блестящей листвы двух пышных кофейных деревьев. В огороде копались хрюкающие поросята. Амбар, с крытым железом навесом, был сплошь заставлен недавно скошенным просом; у ручной мельницы с деревянными валами валялся раздавленный и высохший сахарный тростник. В углу двора, под ветвями старого мангового дерева, дымилась глиняная печка.

Извилистые тропинки вели к плантации маниока, в огород, к ручью; другие взбегали на гору, откуда по ночам в плантацию забирались пестрые кролики и броненосцы, и где на заре жалобно пищали намбу и пронзительно кричали куропатки. Узкая дорожка спускалась к болотистой рисовой плантации, окаймленной лилиями, стыдливо поднимавшими из взрыхленной сырой земли свои белые ароматные головки. Широкая, прямая, чисто выметенная аллея, обсаженная апельсинными и лимонными деревьями, упиралась в колючую изгородь, окружавшую усадьбу, и выходила на проезжий тракт.

Внизу, в узком ущелье, прыгая по обломкам скал, поросших камышом и нежными папоротниками, шумела река, поминутно взлетая тонкими брызгами пенистых водопадов.

Широкий волнистый простор, с холмами и долинами, зеленевшими ровным матовым бархатом всех оттенков, раскинулся на ослепительном солнце вплоть до лазурно-синей линии гор, всегда окутанных мгlistой дымкой и острыми неправильными гребнями своими замыкавших горизонт. Разбросанные на лугах стада казались крошечными, словно выточенными из камня игрушками. Местами, окруженные плантациями, белели хижины, и светлые ленты ручьев и рек прерывали однообразие безбрежных зеленых полей.

В одинокой хижине жили Анна-Роза и Фелисинья, мать и дочь. Анна-Роза, красивая стройная мулатка, с кожей цвета корицы, в дни своей юности свела с ума не одного парня, несмотря на тяжкую болезнь, которая проявлялась у нее иногда совершенно неожиданно. Она падала тогда, как мертвая, с пеной у рта, закатив глаза и билась в судорогах. Но, все равно, – кто бы ни взглянул на ее крошечный алый ротик, с белыми, как апельсинный цвет зубами, на ее большие, чудесные глаза, на длинные, черные и блестящие косы, – тот на долго лишился покоя.

И потому все удивились, и даже возмутились, когда избранником ее оказался Симао Кабиуна, некрасивый, черный, как сапог пастух. Он жил со своими стадами в горах и лишь изредка показывался в долине. Зато никто лучше него не умел укрощать диких коней и так ловко забрасывать лассо. На немногие свои сбережения Кабиуна купил небольшой участок земли, у реки, сам расчистил росший на нем лес, построил хижину и поселился в ней с Анной-Розой.

С тех пор, и его, и Анну-Розу можно было увидеть в долине только по большим праздникам. Они жили совсем уединенно в своем горном уголке, и если бы не роскошная плантация, никто бы не подумал, что там есть люди.

Однажды Симао Кабиуна, в тележке, запряженной мулом, галопом примчался в поселок, прямо к двери Нья-Бемвинды, и тот час же, с такою же поспешностью, отправился с нею обратно.

– Анна-Роза захворала, – говорили люди, видевшие Симао со знахаркой. Но на следующий день, когда старуха вернулась, все узнали, что у Анны-Розы родилась дочь.

А знахарка рассыпалась в похвалах Кабиуне и его жене. Всего-то у них вдоволь: и птицы, и сала, и солонины. А какая чистота! Простыни на кровати, словно свежий хлопок, у мулатки сорочка с прошивкой в ладонь ширины. Все удобно, аккуратно, вплоть до люльки, сплетенной из камыша самим Кабиуной.

В первые дни после рождения ребенка Кабиуна почти не выходил из дома; только утром выпустит скот, а к вечеру загонит его. Домашние работы справляла старая негритянка, а счастливый отец возился с новорожденной, не помня себя от гордой радости. Даже плач ее вызывал в нем восторг, потому что указывал, что девочка крепкая и здоровая, и из нее наверное будет прок.

– Анна-Роза захворала, – говорили люди, видевшие Симао.

Началась страшная буря с грозой и ливнем. Молния зловещим блеском озаряла внутренность хижины, и деревья, с силой потрясаемые вихрем, наполняли мрак жутким гулом. Оглушительные удары грома, удесятеренные горным эхом, гремели без перерыва. Вздувшаяся и побуревшая река с ревом мчалась по долине, подмывая берега и увлекая в стремительном беге вырванный с корнями маниок. В скважины стен и крыши со свистом дул ветер, и порывы его по временам были так сильны, что хижина содрогалась, как во время землетресения. Анна-Роза молилась, дрожа от страха и торопливо крестилась всякий раз, как синеватый свет молнии пронизывал комнату. Она не отпускала от кровати мужа и крепко прижимала к груди ребенка, словно желая защитить его от молнии и ревущего урагана.

После грозы два дня лил холодный совсем зимний дождь. Припасов в доме было достаточно. Кабиуна заткнул щели просяной соломой и развел в соседней комнате огонь. Изредка он отворял дверь и с унынием поглядывал на свои посадки и посевы, опустошенные непогодой. Но потом, покорно поводя плечами, шел к жене.

– Ну что ж, несколькими мерами пшена больше или меньше, не все ли равно, зато земля наберет силы.

И он присаживался на корточках возле люльки и принимался разговаривать с дочкой, стараясь смягчить свой грубый голос, и хохотал, смотря на ее невинные глазки с трепетавшими как крылья мотыльков нежными веками.

Анна-Роза беспокоилась, что он не даст спать ребенку, вынимала девочку из люльки, клала рядом с собой и убаюкивала.

На третий день после грозы Анна-Роза проснулась от сильной боли в висках и глазах, и с тяжелой головой. За день боль так усилилась, что она стонала на весь дом, и крепко сжимала руками голову. Ей казалось, что она разрывается.

Опять Кабиуна запряг мула и помчался за знахаркой.

Старуха, едва подойдя к постели больной, увидела, что дело плохо, молоко бросилось Анне-Розе в голову. И кинув на стул шаль, знахарка побежала на поле за травами, а девочку велела кормить коровьим молоком.

Негритянка растерянно кипятила воду, шепча молитвы и заклинания. Кабиуна в слезах пошел доить корову. Пронзительные, отчаянные стоны Анны-Розы раздирали ему душу. Знахарка приложила Анне-Розе к ногам горячие припарки, напоила отваром Melissa с медом и хорошенько закутала. Анна-Роза сильно вспотела, боль уменьшилась и на заре она заснула. Проснувшись она пожаловалась на сильный шум в ушах и темноту.

– Я даже люльку не вижу, до того тут темно. Зажгите хоть свечку!

– Лампадка горит, – сказала негритянка, – я только сейчас подлила в нее масла.

Но Анна-Роза сердилась и спорила с негритянкой, пока знахарка, спавшая на циновке, не проснулась от шума.

– Что случилось? Не волнуйтесь. Вам нельзя так говорить, Анна-Роза.

Анна-Роза пожаловалась и ей на темноту и на то, что негритянка обманывает ее, уверяя, будто зажгла лампадку.

– Да что вы, милая, она и зажжена. Вы еще не совсем проснулись. А то вы бы увидели свет.

– Какой свет? Нья Бемвинда?

– Да от лампадки у Божьей Матери.

– Я ее не вижу.

Знахарка уперлась обеими руками в пол, с трудом приподнялась и подошла к постели.

– Так вы, в самом деле, не видите огня?

– Нет, я ничего не вижу, Нья-Бемвинда. Везде темно, и около Божьей Матери тоже темно.

– Подождите-ка минутку.

Старуха сняла стаканчик с касторовым маслом, в котором мерцал огонек, и поднесла его к Анне-Розе, говоря с упрёком:

– Ну, что же, вы и теперь ничего не видите, упрямица?

– Конечно, я ничего, ничего как есть не вижу!

Негритянка стояла не шевелясь и смотрела на нее с немим ужасом.

Когда Анна-Роза несколько успокоилась, старуха медленно повернулась и поставила лампадку на прежнее место.

– Неужто вы так-таки ничего не видите? – снова повторила она.

– Я уж вам сказала, Нья Бемвинда. К чему мне лгать? Я ведь не маленькая. Что это, в само деле? – Анна-Роза сердито отбросила одеяло и повернулась к стене.

Знахарка вышла в другую комнату и, покачивая головой, шепнула поспешившей за нею негритянке:

– Это плохой признак! С Анной-Розой неблагоприятно. Вот увидите! Дай Бог, чтобы с ней не случилось беды... – И, приставив ко лбу указательный палец, она закончила: – У нее неладно тут... Такие случаи бывают часто.

Кабиуна, как раз возвращался с плантации с настрелянными горлинками. Знахарка поспешила ему навстречу и сообщила о своих опасениях. Он смотрел на нее, вытаращив глаза, и почти не понимая, что она говорит.

– Больна? Анна-Роза больна? – повторял он.

Потом побежал в дом, поставил в углу ружье и уже хотел пойти к жене, когда негритянка шепнула ему:

– Она заснула.

Но мулатка, услышав, раздраженно крикнула:

– Я вовсе не сплю! Это ты, Кабиуна?

– Я, милая.

Она быстро повернулась и обняла его.

– Кабиуна, я хочу видеть свою дочь, а они мне не дают!

– Кабиуна поднес к ней девочку:

– Смотри, голубка, вот она, вот твоя дочурка. И глазки у нее открыты.

Анна-Роза села на кровати, прислонившись к подушкам, и протянула руки, чтобы взять ребенка.

– Как тут темно! Который час?

– Скоро полдень.

– Как темно! Открой ставни.

Кабиуна осторожно растворил ставни, и в комнату медленно скользнули солнечные лучи, сначала слабые и нежные, потом стремительно разгораясь, как пожар, пока сквозь совершенно распахнутое окно не хлынул яркий дневной свет, и не завиднелись дивно голубое небо, пышные деревья и далекие холмы. Пламя лампадки побледнело, как светлячок в лунную ночь, и теплый, вкрадчивый ветерок, напоенный запахом свежей зелени, заструился по комнате.

Малютка хмурила лобик, жмурясь от яркого света, впервые коснувшегося ее сетчатки, и жадно сосала грудь, а Анна-Роза сидела, наклонившись, с широко раскрытыми глазами, и повторяла:

- Открой же окно, Кабиуна... Открой настежь!
- Да оно открыто, дорогая. Разве ты не видишь?
- Нет.
- Оно открыто!
- Открой побольше!
- Да оно совсем открыто!

Тогда она подняла голову с тяжелыми волнами черных волос и широко раскрытыми глазами долго, не мигая, смотрела на окно. Муж неподвижно стоял возле, не отрывая от нее взгляда; знахарка и негритянка испуганно жались в стороне.

– Кабиуна, поди сюда. Пожалуйста, открой окно, милый!

– Дорогая, оно открыто! Посмотри же на солнце возле твоей кровати. Разве ты его не видишь? Разве ты не видишь солнца?

– Я ничего не вижу.

Кабиуна испуганно взглянул на знахарку, покачивавшую головой. Негритянка, подперев одной рукой голову, с жалостью смотрела на больную.

– А девочку ты видишь?

– Она у моей груди. Я ее чувствую, но не вижу, Кабиуна. Клянусь тебе Богом!

Она потеряла глаза и снова повернулась к окну, потом медленно провела рукою по лицу:

– Я чувствую солнце....

И вдруг вскрикнула:

– Кабиуна, ах, Кабиуна! Солнце тут, вот оно, я его чувствую, но не вижу. – И, протянув вперед руки, она, в отчаянии, закричала:

– Матерь Божия, Владычица Небесная!.. Я ослепла! Люди! Я потеряла зрение! Ах, дочка моя, Кабиуна, я слепая! Нья Бемвинда! Я ничего не вижу, я ничего не вижу! Даже дочери своей не вижу! Ах, Владычица Небесная, Матерь Божия, да что же это такое?!

И склонившись над ребенком, она тихо запричитала:

– Анна-Роза не видит! Анна-Роза ослепла... Она ничего не видит.

И вдруг, позабыв о ребенке, рванулась с постели. Знахарка едва успела подхватить девочку, а Кабиуна и негритянка с трудом уложили Анну-Розу.

– Что с тобой, дорогая? Что с тобой?

– Я ослепла, Кабиуна! Ах, я ослепла! Твоя Анна-Роза больше не видит, она слепая.

Кабиуна тихо плакал, слезы выступали из-под его толстых век и капали на постель.

– Ах, Кабиуна, эта головная боль, от которой у меня разрывалась голова – она была началом! Это гасли мои глаза... Ах, я несчастная! Что со мной будет?

Никто не находил слов утешения, и только Кабиуна через некоторое время с трудом проговорил:

– Бог велик, дорогая моя!

Девочка жалобно заплакала на руках у знахарки.

– Плачь, плачь, дочка! Твоя мать не может тебя видеть! – И, взяв на руки девочку, она с отчаянием стала осыпать ее поцелуями, выкрикивая:

– Пресвятая Владычица, что мне делать? Чем я провинилась, о, Господи? Кабиуна, кто-нибудь заморозил меня, из зависти, из злобы! – Она скрипнула зубами и яростно крикнула:

– Кроме этой негритянки, больше никому! Прогоните эту чертовку! Это она, Кабиуна, – проклятая ведьма!

Негритянка плача подошла к постели.

– Ах Нья Роза, я?! Чтобы я вам сделала зло? Нет, Нья Роза, чтобы я сделала такое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.